

*Тени пустых
комнат*

RemVoVo

RemVoVo

Тени пустых комнат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73094578

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший детектив, сломленный смертью жены, видит её призраки и считает, что сошёл с ума. Но когда его нанимают расследовать «самоубийство» пожилой женщины, он сталкивается с древним злом, питающимся одиночеством. Чтобы спасти дочь и себя, ему предстоит пройти семь дверей внутренней тьмы – где демоны реальны, а любовь – единственное оружие.

Содержание

Глава 1. Письмо из тьмы	4
Глава 2. Дом у чёрной сосны	17
Глава 3. Призраки разума	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

RemVoVo

Тени пустых комнат

Глава 1. Письмо из тьмы

Дождь шёл третий день. Не тот весёлый весенний дождь, что стучит по жести и будит садоводов к приятным утренним хлопотам. Нет. Это был серый, вялый, ленивый дождь – как будто небо плакало не от горя, а от усталости и бессилия. От того, что всё уже видело, всё уже знало, и ничего нового не ждало. Мир для них открытая книга что только и ждала часа быть прочитанной. Наши попытки изменить судьбу только смешат их. Тех кто в тени и смотрят, тех кто видят то чего мы не видим.

Я сидел у окна, держа в руках остывший кофе, обжигающий сквозь чашку мою руку. За стеклом – пустынный переулок в южном Бостоне, где когда-то кипела жизнь, а теперь гнили заброшенные склады и витрины магазинов, заклеенные чёрным скотчем. Мой офис – бывшая парикмахерская. Вывеска до сих пор висела: *«Салон „Аура“ – красота начинается здесь»*. Ирония не ускользала. Красота давно ушла с этого проклятого места. Экономический кризис лешим многих работы и просвету не было. Политики делили между собой остатки власти. А здесь остались только запах плесени,

треснувший линолеум и я – Джек Бронсон, бывший детектив третьего участка, ныне частный сыщик с лицензией, долгами и привычкой разговаривать сам с собой. В самом начале дела шли хорошо, многие жены следили за мужьями, деловые партнеры за врагами бизнеса. Все как всегда, но все меняется как листья на дереве.

На стене – календарь за прошлый год. Я просто забыл его сменить. Или не захотел. А зачем, все равно ничего не менялось. Время здесь текло медленнее. Или, может, оно остановилось в ту ночь. Пять лет назад. Когда я не ответил на звонок, а должен быть. Крикнул и стукнул по столу, на кофе пошла рябь.

Я отхлебнул кофе. Горький. Как всегда. Поставил кружку на подоконник, рядом с фотографией. На ней – Лиза. Ей было десять. Улыбалась, держа в руках котёнка. Глаза – как у матери. Те самые, что я больше не видел открытыми. Комок радости я сам ей подарил, нашел в приюте для животных. умное создание, но слишком своенравное, меня к себе оно не подпускало, играло только с девочкой.

В дверь постучали. Я удивился и быстро смахнул грязь со стола.

Редкость что ко мне вообще кто то заходит. Даже почтальон сворачивает за угол, бросив письма в щель. Я встал, достал из ящика стола «кольт» – не из недоверия, а из привычки. Мало ли кто, долги росли как на дрожжах. Открыл дверь. Никого.

Только конверт, придавленный кирпичом, чтобы дождь не унёс его. Простой, бежевый. Без обратного адреса. Но в уголке – старинная печать: сова, держащая в лапах ключ. Я узнал её. Когда-то видел на старых книгах в доме моей жены. Эмилия любила такие детали. Говорила: «Ключ – не для двери, а для памяти». Потом всегда загадочно улыбалась, как же я любил ее тогда, может люблю и сейчас.

Я закрыл дверь, разорвал конверт. Настроение было паршивым и я не стал с ним церемониться.

Внутри – четыре листа плотной бумаги, исписанные аккуратным, женским почерком. И ещё одна фотография.

Я развернул письмо.

*Уважаемый мистер Бронсон,

Меня зовут Мария Величко. Я племянница Эвелин Морроу – женщины, которая жила в доме на Сосновой улице, 17, в городке Рейвенс-Крик. Две недели назад её нашли мёртвой в подвале. Официально – самоубийство. Передозировка снотворного. Но мы, её семья, знаем правду.

Её убили не лекарства. Её убили *они*.

Те, что приходят, когда человек остаётся один. Те, что шепчут в зеркалах и стучат в стены. Демоны. Не в переносном смысле. Не метафора. Реальные, чёрные, голодные существа, что питаются одиночеством, как плесень – сыростью.

Эвелин знала об этом. Готовилась. Пыталась закрыть дверь от них. Но что-то пошло не так.

Я читала о вас. О вашей работе. О том, как вы находили пропавших, даже когда полиция сдавалась. Но больше всего – о том, что вы потеряли жену. Что вы живёте один.

Эвелин писала в своём дневнике: «Когда придут тени, найдите того, кто носит вину. Только он сможет их остановить».

Мы не можем заплатить много. Но если вы приедете – вы узнаете кое-что о себе. О вашей жене. И, возможно, о дочери.

Прилагаю фотографию. Сделана три дня назад. В Бостоне. На станции Саут-Стейшн.

С уважением, Мария Величко*

Я перевернул письмо. Руки задрожали.

Фотография.

Лиза. В длинном пальто, с рюкзаком за плечом. Смотрит вдаль. Видно, что устала. Под глазами – тени. Но она жива. Красива. Уже почти женщина.

А на заднем плане – в отражении стекла вокзала – мелькает чья-то тень с щупальцами на спине. Высокая. В плаще. Не разглядеть лица. Но явно злая, от нее исходила аура зла от которого хотелось бежать без оглядки.

Я сжал фото так, что бумага затрещала.

– Чёрт... – выдохнул я. – Ей надо помочь. Что же мне делать?

Голос прозвучал в пустоте. Ответа не было. Только стук дождя.

Я подошёл к зеркалу над умывальником. Посмотрел на

своё отражение. Седина у висков. Мешки под глазами. Рубец над бровью – от ножа, которым пытался меня убить наркоторилер в '19. Но взгляд... взгляд был пуст. Как будто внутри давно выключили свет. Даже проблеска надежды не было в глазах. Так выглядит человек потерявший надежду и любовь. Циник и начинающий алкоголик.

– Ты не достоин её видеть, – прошептал я самому себе.

И вдруг – за спиной, в углу комнаты – шорох.

Я резко обернулся. Никого. Только тень от лампы на стене. Но... она дрогнула. Как будто дышала. Стало немного страшно. Это наверное последствия что смотрел на фото с щупальцами. Что эта за тварь такая.

– Хватит, – сказал я громче. – Это не по-настоящему.

Но в голове уже началось. Тот самый звук – тихий, как шёпот сквозь воду. Я знал его. Как знаю свой пульс.

– Джек...

Я закрыл глаза.

– Уходи.

– Ты снова не ответил...

Голос Эмилии. Тот самый. Мягкий. Рваный. Как в последнем звонке.

Я открыл глаза. Она стояла у двери. В белом платье, в котором её похоронили. Мокрые волосы прилипли к щеке. Вода капала на пол. Но пол оставался сухим.

– Ты не здесь, – сказал я, не отводя взгляда. – Ты – часть моей головы. Больше ничего. Часть того что я потерял так

давно. Боль которая не проходит как не отгоняй.

Она не ответила как всегда, и что она может сказать такого чего я сам себе не сказал. Любимая просто смотрела. Скорбно. Как будто я был ребёнком, упавшим с велосипеда, а она не могла помочь. Она любила меня или мне так казалось или я так верил в это.

– Почему ты не пришёл? – прошептала она.

Я сжал кулаки что жилы проступили. Голова разболелась.

– Я был на задержании. Ганновер. Ты знаешь это. Я сказал тебе – подожди меня. Я вернусь через час.

– Ты не вернулся, – сказала она. – Ты вернулся спустя восемь часов. А я была уже... мёртвой.

– Хватит! – рявкнул я.

Она исчезла. Мгновенно. Как и появилась.

Тишина. Только дождь. И мое отчаяние, которое разрывает мою темную и никчемную душу.

Я подошёл к столу, выдвинул ящик. Там лежал блокнот с диагнозом: *«Посттравматическое стрессовое расстройство, хроническая форма. Галлюцинаторные эпизоды, связанные с чувством вины. Рекомендовано лечение, включая фармакотерапию и психотерапию. Возможны сезонные обострения».*

Я не хожу к врачу. Не пью таблетки. Потому что боюсь: если галлюцинации исчезнут – я перестану чувствовать её рядом. А без этого я совсем умру. Без этих эпизодов наших встреч моя жизнь это темное пятно в ночи.

Я взял фото Лизы. Провёл пальцем по её лицу.

– Три дня назад... Ты была так близко.

Почему она в Бостоне? Почему одна? Где опекун? Её забрали к тётке после смерти матери, но я не знал, где они живут. Не спрашивал. Не звонил. Потому что боялся увидеть в её глазах обвинение. То что знал и сказал бы себе сам.

«Ты не спас её. Почему думаешь, что спасёшь меня?»

Я сел. Включил ноутбук. Набрал в поиске: *Рейвенс-Крик, Массачусетс*.

Городок в 200 милях к северу. Население – 1200 человек. Основан в 1823. Экономика – лесозаготовка, мелкая торговля. В последнее десятилетие – упадок. Молодёжь уезжает. Старые дома пустеют. Все как везде после этого проклятого кризиса. Вся страна скатывается в помойку.

Типичное место, где демонам особенно нравится охотиться и некому ему противостоять.

– Чёрт, – прошептал я. – Даже если это бред... даже если эта женщина сошла с ума... я хочу разобраться с этим делом. Деньги мне нужны позарез, хоть и не большие.

Я открыл карту. Построил маршрут. Три с половиной часа на машине. Не так долго как я думал. Впервые за пол года я улыбнулся этому факту. Это дело взбодрило меня, появилась хоть маленькая надежда, вот только на что?

Быстрым шагом подошёл к шкафу. Достал пиджак. Проверил обойму. Заправил рубашку. Потом – замешкался. Взял с полки маленькую деревянную шкатулку. Внутри – се-

рёжка Эмилии. Одна. Вторую так и не нашли. Я всегда брал её с собой. Не как талисман. Как напоминание: *ты потерял то, что любил. Не повторяй ошибку.* Как лучик надежды в самый темный день.

Вышел на улицу. Дождь усилился. Вода хлестала по лицу. Я завёл старый «фольксваген» – машину, которую купил за неделю до смерти Эмилии. На сиденье до сих пор лежал её шарф. Я не выбрасывал его. Не мог. Думал что выбросив его разорву нашу связь хоть на частичку, этого я позволить себе не мог. А вдруг она ко мне больше не придет.

Завёл двигатель. Включил радио. Мягкий джаз. Её любимый.

– Прости, Эм, – сказал я, глядя в лужу. – Я должен это сделать.

И поехал.

Дорога в Рейвенс-Крик оказалась пустынной. Леса по обе стороны – густые, тёмные, как будто в них никто не ступал веками. Знаки встречались редко. Иногда – объявление о пропавшей собаке, выцветшее от дождя. Иногда – надпись мелом на дереве: *«Он смотрит и не простит».*

Я сначала подумал, это шутка. Потом – что это граффити подростков. Но километр спустя – снова. Та же фраза. На другом дереве. И ещё. И ещё. Всего две дюжины.

К вечеру тучи сгустились. Небо стало цвета свинца. Я въехал в город.

Первое, что бросилось в глаза – тишина. Ни машин, ни

музыки из окон, ни детского смеха. Только ветер, гоняющий по улице сухие листья. Дома – старые, но ухоженные. Цветы в горшках увяли. Занавески на окнах. Но за ними – никто не смотрел. Все казалось мертвым и бутафорским. Как декорация к фильму. И этот фильм я точно не комедия, это была драма и хоррор. Тьма витала в воздухе отравляя его своим смрадом.

Я остановился у заправки. Старик у кассы кивнул, не улыбаясь своим беззубым ртом.

– Сколько до Сосновой, 17?

– За ручьём. Последний дом, – сказал он, не глядя. – Вы не местный.

– Нет.

– Тогда зачем вам туда?

– Работа.

Он наконец поднял глаза. Взгляд – тяжёлый, как камень.

– Дом Морроу... лучше там не ночевать.

– Почему?

– Потому что там никто не остаётся надолго. Слишком... тихо. И можно остаться там навсегда.

Я заплатил за бензин. Вышел. В зеркале заднего вида – мелькнуло отражение. Но не моё. Кто-то стоял за мной. В чёрном плаще с щупальцами.

Я резко обернулся.

Пусто.

Только ветер.

Дом на Сосновой, 17, стоял на краю обрыва, над чёрной водой ручья. Двухэтажный, с верандой, покосившейся от времени. Крыша – частично обвалилась. Но ставни – покрашены свежей краской. Цветы у крыльца – поливали сегодня. Но они все равно вянут.

Я припарковался. Вышел. Воздух пахло мхом и гниющими яблоками. Мне не понравилось и холодок прошел по спине.

Подошёл к двери. Постучал.

Никто не открыл.

Но дверь была не заперта.

Я толкнул её.

Скрипнула, как в старом фильме ужасов. Хотя я всегда думал что такого звука в реальной жизни не бывает.

– Миссис Величко? – позвал я.

Тишина. Настоящая гробовая.

Внутри – прохладно. Пахло воском, сушёной мятой и... ещё чем-то. Сладковатым. Как от старых книг, что давно не читали.

Я вошёл.

Гостиная. Диван в цветочек. Фотографии на стенах: Эвелин Морроу в молодости, с мужем, с детьми. Все улыбаются. Но в глазах – тень и мрак. Тут точно что то не чисто.

На столе – чашка. Холодный чай. Остывший.

– Мария? – снова позвал я.

Из глубины дома донёсся звук. Словно кто-то плакал. Ти-

хо и протяжно.

Я прошёл по коридору. Мимо кухни. Мимо лестницы. Вниз – в подвал.

Дверь была приоткрыта. Там – тьма которая разрывает душу.

Я достал фонарик, тонкий лучик света в этой тьме. Спустился.

Ступеньки скрипели предупреждая меня бежать, но уйти я не мог или не хотел. Внизу – холод. Сырость. И запах... жжёной кожи.

На полу – круг из свечей. Погасших. Посреди – большое зеркало в чёрной раме. Странное. Не отражало свет. Казалось, что за стеклом – просто чёрная пустота которая так манила меня что мне с трудом удалось от него отвернуться..

Я подошёл ближе.

И вдруг – увидел.

В зеркале – не я.

А Эмилия. Вокруг неё – тени. Они тянулись к ней, как щупальца. Она смотрела на меня. Губы двигались.

– Спаси их... пока не стало поздно...

Я отшатнулся. Сердце колотилось.

– Это не по-настоящему! – крикнул я.

Но в зеркале уже было пусто. Только чёрнота.

Я поднялся наверх. Дрожащими руками достал телефон.

Набрал номер Лизы.

Гудки. Потом – автоответчик.

– Привет, это Лиза. Оставьте сообщение.

Голос взрослый. Усталый.

– Лиз... это папа. Я... я еду домой. Просто... держись. Я скоро буду рядом.

Я отключился.

В этот момент кто-то коснулся моего плеча.

Я резко обернулся.

За спиной стояла женщина. Лет сорока. Бледная. Глаза – красные от слёз.

– Вы – мистер Бронсон? – спросила она.

– Да.

– Я Мария. Племянница Эвелин. Я вас ждала.

– Откуда вы знали, что я приеду?

Она посмотрела на меня. Долго. Потом тихо сказала:

– Потому что она сказала: он придёт. Когда узнает, что дочь в опасности. Даже если не верит в демонов... он поверит в любовь.

Я молчал.

– Пойдёмте наверх, – сказала она. – Я покажу вам дневник Эвелин. И расскажу, почему она верила: вы – единственный, кто может остановить то, что вышло из зеркала.

– А если я скажу, что это всё бред и уеду?

Она улыбнулась горько.

– Тогда объясните, почему вы видите её жену в зеркалах. И почему ваша дочь оказалась в Бостоне в тот самый день, когда Эвелин умерла.

Я пошёл за ней.

За окном дождь прекратился.

Но тишина стала ещё гуще.

Как будто весь мир затаил дыхание.

И ждал, что скажет следующий звонок.

Глава 2. Дом у чёрной сосны

Дом пах старостью. Не просто пылью или сыростью – нет. Это был запах времени, застывшего в дереве, в обоях, в трещинах половиц. Как будто каждая вещь здесь помнила, кто в ней жил, кого любил, кого потерял. Я шёл за Марией по коридору, чувствуя, как стены сжимаются вокруг. Не физически – в голове. Как будто дом дышал.

– Эвелин жила здесь тридцать семь лет, – сказала Мария, не оборачиваясь. – С тех пор как умер её муж. После... она больше никого не пускала близко. Только нас с Сарой. И то – с большой осторожностью.

– Почему?

– Она боялась, что *он* заметит.

Я не спросил, кто такой «он». Я уже знал. Или думал, что знаю.

Мы вошли в гостиную. Там горел камин. Огонь трещал, но не грел. Слишком сухое дерево. Слишком холодный дом. Слишком много тьмы вокруг.

– Садитесь, – сказала Мария, указывая на диван.

Я не сел. Обвёл взглядом комнату. На стене – портрет Эвелин в молодости. Чёрные волосы, пронзительные глаза. Руки сложены на груди, как у святой. Или у ведьмы. Хотя кому какая разница.

– Вы верите в демонов, мистер Бронсон?

– Я верю в убийц. В больных людей. В совпадения. В совесть, которая грызёт, пока не сожрёт тебя заживо. – Я посмотрел на неё. – Но нет, я не верю в чёртиков, что выходят из зеркал. Верю только во тьму что живет в самих людях, много ее видел в жизни.

Она кивнула, будто ждала этого.

– Тогда расскажите мне, почему вы до сих пор носите обручальное кольцо под перчаткой?

Я замер. Кольцо на руке стало обжигать и сжиматься.

– Откуда вы знаете?

– Эвелин читала о вашем деле. О том, как вы нашли убийцу своей жены через шесть месяцев. Как вы стояли у его тюремной койки и не сказал ни слова. Просто смотрели, пока он не начал рыдать. Она сказала: «Он не мстит. Он наказывает себя. Каждый день».

Я сжал кулак. Кольцо врезалось в ладонь.

– Это не ваше дело.

– Было, – тихо сказала она. – Пока он не выбрал вас.

– Кто?

– Тот, что приходит, когда человек остаётся один и в отчаяние.

Девушка встала, подошла к шкафу, достала шкатулку. Открыла. Внутри – потрёпанный дневник в кожаном переплётё и пачка старых писем что ждала своего часа быть прочитанным.

– Это принадлежало Эвелин. Всё, что она успела записать

до... до того, как он заставил её замолчать навсегда как он умеет. Посмотрите.

Я не двинулся.

– Почему именно я?

– Потому что вы – идеальный проводник. Вы живы. Но часть вас умерла пять лет назад. Вы видите её. Она говорит с вами каждый день с того дня. Не так ли?

Я не ответил.

– Вы думаете, это галлюцинации. А если нет? А если это – не ваш разум, а *он*, который шепчет через её голос? Потому что вы виноваты. Потому что вы один. Потому что вы – дверь. И ему нужно войти что бы погрузить мир во тьму.

– Довольно! – рявкнул я. – Я приехал сюда не за сказками и мифами. Я приехал потому, что на фото – моя дочь. Где она? Почему вы её сфотографировали? Что вы от нее хотите?

Мария вздрогнула.

– Я не фотографировала её.

– Что?

– Я нашла фото в почтовом ящике. В тот же день, когда Эвелин умерла. Без конверта. Без записки. Просто... лежало.

Я уставился на неё.

– Вы врётё.

– Клянусь Богом, – она подняла руку. – Я даже не была в Бостоне последние два года. Сара болела. Астма. Мы не

выезжали.

Я медленно сел на диван. Голова гудела.

– Тогда кто... или что?

– Он, – сказала она просто. – Он знает, что вас сломать легче всего через неё. И как я вижу он прав, как и всегда.

В этот момент наверху что-то упало. Громко. Как будто столкнули стул.

Мария побледнела.

– Это Сара.

Она бросилась вверх по лестнице. Я – за ней.

Второй этаж. Коридор. Последняя дверь приоткрыта. Изнутри – тишина.

Мария толкнула дверь.

Комната девочки. Стены – в рисунках. Цветы, звёзды, кошки. Но на полу – разбросанные игрушки. Кукла лежит лицом вниз. Кровать – помята. Окно открыто. Ветер треплет занавеску.

– Сара? – позвала Мария.

Нет ответа.

– Где она?

– Она... она должна быть здесь, – дрожащим голосом сказала Мария. – Она никогда не уходит без меня.

Она подошла к шкафу. Открыла. Пусто.

– Чёрт... опять – прошептала она.

Я осмотрел комнату. Никаких признаков борьбы. Никаких следов. Только...

Я наклонился. У кровати – мокрый след. Маленький. Как от босой ноги.

– Она была здесь. Недавно.

– Но куда она пошла?

Я подошёл к окну. За домом – роща. Чёрные сосны. В центре – старый колодец, обнесённый цепью.

– Туда.

– Нет! – Мария схватила меня за руку. – Там нельзя!

– Почему?

– Потому что это – его место. Там, где он впервые пришёл к Эвелин.

Я вырвал руку.

– Оставайтесь здесь. Если она вернётся – зовите.

– Джек, подождите! Вам нельзя туда идти одному.

Но я уже бежал по лестнице быстро как никогда, на кону стояло слишком много.

Ветер хлестал по лицу. Небо затянуло тучами. Луны не было. Только звёзды – редкие, как глаза мёртвых, что всматриваются в душу. Что же им там хотелось увидеть?

Я пересёк двор, ступил в рощу. Под ногами – хруст сухих иголок. Запах смолы и гнили. Звуков леса слышно не было, точнее никаких звуков кроме моих. Тишина прямо врезалась в уши.

Колодец. Железная цепь ржавая, местами порвана. Крышка – сдвинута.

Я подошёл ближе.

– Сара? – позвал я.

Тишина оглушала все сильнее.

Потом – шёпот.

– *Пап...*

Я обернулся. Никого.

– Сара, это не папа. Это мистер Бронсон. Где ты?

Тишина давила.

Я подошёл к колодцу. Заглянул внутрь.

Там было темно. Но... в глубине – мелькнуло движение.

Как будто кто-то плыл или что то.

– Чёрт... – я достал фонарик.

Свет упал на стены колодца. Они были покрыты надписями. Те же символы, что и на зеркале в подвале. Только теперь я разглядел: это не просто узоры. Это слова. Старославянские. Я не знал языка, но одно повторялось снова и снова:

«Не оставайся один, а то он найдет тебя».

– Сара! – крикнул я.

Из колодца донёсся детский плач.

Я присел на корточки. Протянул руку.

– Слезай сюда, малышка. Я тебя не обижу.

Тишина.

Потом – шорох. Медленный. Из-за дерева.

Я резко обернулся.

Там стояла девочка. Лет десяти. В пижаме. Босиком. Мок-
рые волосы прилипли к лицу. Глаза – широко раскрыты. Пу-
стые.

– Сара?

Она не ответила. Только смотрела на меня. Как будто я был призраком.

– Ты... ты его видела? – спросил я.

Она кивнула.

– Где?

Она подняла руку. Указала на дом.

– Он внутри?

Она покачала головой.

– Он... в зеркале?

Девочка снова кивнула. Потом прошептала:

– Он сказал... ты должен остаться. Или он заберёт её.

– Кого?

Она не ответила. Повернулась и пошла к дому. Быстро. Как тень.

Я бросился за ней, быстро как только мог, но ноги не слушались.

В доме – свет. Мария стояла в гостиной, дрожа.

– Она вернулась! – с облегчением сказала она. – Где вы были?

– В роще. Она была у колодца.

– Боже... – Мария прижала руку ко рту. – Она никогда не ходит туда. Никогда.

Сара стояла у лестницы. Не смотрела ни на кого. Просто... ждала.

– Сара, – мягко сказала Мария. – Иди ко мне.

Девочка медленно поднялась наверх. Не оглянувшись.

– Что с ней? – спросил я.

– Она такая с тех пор, как Эвелин умерла. Говорит мало. Спит с включённым светом. А ночью... ночью она рисует его.

– Кого?

– Того, кто пришёл. Тот кто смотрит из тени когда ты отворачиваешься или закрываешь глаза.

– Покажите.

Мария повела меня в комнату Сары. На столе – стопка рисунков.

Я взял первый.

Человек без лица. В длинном плаще. Руки – слишком длинные. Ноги – не касаются земли. За спиной – тени, похожие на крылья. И щупальца темные как сама смерть во все стороны.

Второй рисунок: Эвелин у зеркала. Из него вылезает чёрная рука с перстнем.

Третий: дом. Все окна – чёрные. Только в одном – свет. И в этом свете – силуэт девочки. А за окном – тот же человек без лица, смотрит внутрь. Планы его черны как и силуэт. Кажется что он сейчас двинется на нее.

Холодок пошел по коже, настолько мерзкие рисунки. Как будто кто то вонзает иголки под кожей.

– Она рисует это каждую ночь, – сказала Мария. – Иногда – по несколько раз.

Я посмотрел на последний рисунок.

Там был я. Стою у зеркала. А из него – чёрная фигура обнимает меня. И я... улыбаюсь. Щупальца обвивают меня и высасывают жизнь.

— Говорит, он хочет тебя, – тихо сказала Мария. – Потому что ты – как он. Один и ты его ждешь уже давно.

Я отложил рисунок.

– Расскажите мне всё. С самого начала. Почему Эвелин верила в демонов?

Мария села на край кровати.

– Её сын... пропал. Тридцать лет назад. Ему было восемь. Просто вышел во двор и исчез. Полиция искала месяц. Ничего. Через год после этого её муж повесился в гараже. Он не вынес вины. Эвелин осталась одна. И вот тогда... она начала слышать голоса. Странные и пугающие.

– Голоса?

– Да. Сначала – шёпот в стенах. Потом – звуки шагов по ночам. Потом – фигуры в зеркалах. Она ходила к священнику. К психиатру. Никто не помог. А потом... она нашла книги. Старые. От её прабабки. Там говорилось: демон одиночества не приходит из ада. Он растёт в душе, где нет любви. И если человек долго остаётся один – демон выходит наружу. И начинает искать новых жертв. Тех кто так же один и потерян.

– И как его остановить?

– Нужно закрыть дверь. Зеркало – его портал. Но чтобы

запечатать его, нужен древний ритуал. И жертва.

– Какая жертва?

– Не смерть. А... отказ. От самого дорогого. От того, что держит тебя в этом мире.

Я молчал.

– Эвелин пыталась. Годами. Она зажигала свечи, читала молитвы, рисовала защитные знаки. Но с возрастом её сила ослабла. И две недели назад... она решила сделать последнее. Вызвать его – и запечатать навсегда. Но что-то пошло не так.

– Что именно?

– Она не вернулась из подвала.

– А вы не проверяли?

– Я боялась. Мы все боялись. Пока не узнали, что она мёртва. И тогда... я вспомнила её слова: «Когда он вырвется, найдите того, кто носит вину. Только он сможет его остановить».

– Почему она знала обо мне?

Мария замялась.

– Потому что... Эмилия была её подопечной.

Я похолодел.

– Что?

– В 2008 году Эмилия попала в приют для женщин, переживших насилие. Эвелин работала там волонтером. Они подружились. Эмилия рассказывала ей о вас. О том, как вы познакомились. О том, как вы обещали защитить её. – Ма-

рия посмотрела на меня. – Эвелин знала, что вы потеряете её. Она писала: «Он не простит себе. И станет дверью».

Я встал. Пошёл к окну.

– Это невозможно.

– Вы сами видели её в зеркале. Вы слышите её голос. Это не просто память, Джек. Это – он, использующий её образ, чтобы держать вас в ловушке.

– Зачем?

– Потому что вы идеальны. Вы живы, но мертвы внутри. Вы один. Вы виноваты. Вы – идеальный сосуд для него и его планов.

Я сжал зубы.

– А Лиза?

– Он знает, что вы не спасёте себя. Но ради неё... вы пойдёте на всё.

Внезапно внизу – звон разбитого стекла.

Мы бросились вниз.

Гостиная. Окно разбито. Ветер гоняет шторы. На полу – осколки.

А на стене – надпись. Красной краской. Или... кровью.

«Семь ночей. Семь дверей. Ты уже вошёл».

– Боже... – прошептала Мария.

Я подошёл ближе. Пальцем коснулся надписи. Еще не успела высохнуть.

– Демон здесь. Сейчас.

– Что нам делать?

– Закройте все окна. Заприте двери. И не смотрите в зеркала.

Я поднялся наверх. В комнате Сары – тишина. Девочка спала. Но её лицо было мокрым. Слёзы.

Я сел рядом.

– Сара, – тихо сказал я. – Ты можешь мне что-то сказать?

Она открыла глаза. Посмотрела на меня.

– Демон сказал... ты уйдёшь. И оставишь меня одну.

– Я не уйду.

– Ты обещаешь?

– Да.

Она потянула мою руку. Прижала к своей щеке.

– Тогда не смотри в зеркало. Демон ждёт тебя там.

Я кивнул.

– Спи.

Она закрыла глаза.

Я вышел из комнаты. Спустился вниз. Мария сидела у камина, обхватив себя руками.

– Вы останетесь? – спросила она.

– Да.

– Почему?

– Потому что если демон действительно существует... и если он знает о моей дочери... то я не могу уехать. Я уже один раз не ответил на звонок. Больше не повторю своей ошибки и сделаю все правильно.

Она посмотрела на меня.

– Тогда завтра я покажу вам всё. Дневник. Символы. Ритуал. Может... может, вы действительно сможете его остановить.

– А если нет?

– Тогда он заберёт вас. Как забрал её. Затем демон заберет нас.

Я подошёл к окну. За стеклом – тьма. Но в отражении... мелькнула тень.

Я не обернулся.

Просто закрыл глаза.

И впервые за пять лет сказал вслух:

– Прости меня, Эмилия.

Тишина.

Но в ней – не ответ. А шаги. Где-то в доме. На лестнице.

Я открыл глаза.

Отражение было моим.

Но... мельком – на мгновение – в зрачках – чёрный огонь.

Я отошёл от окна.

– Мы не должны спать поодиночке, – сказал я. – Демон приходит, когда ты один.

Мария кивнула.

Мы сидели у камина всю ночь. Молча. Прислушиваясь к каждому скрипу дома.

И ждали рассвета.

Но рассвет не принёс света.

Только серость.

И ощущение, что дверь уже открыта.

А мы – внутри и одни против того что древнее нас и на-
много сильнее.

Глава 3. Призраки разума

Рассвет в Рейвенс-Крике не приносил утешения. Он лишь вымывал тени, оставляя всё под гнилостным серым светом, как в старой рентгеновской плёнке. Мы с Марией не спали всю ночь. Сидели у догорающего камина, прислушиваясь к каждому скрипу половиц, к каждому шороху за стеной. Дом дышал. Или, может, это был я – дышал слишком громко от страха, который не хотел признавать.

К утру Сара проснулась. Тихо спустилась по лестнице, бо-сиком, как всегда, и села на край дивана. Не сказала ни слова. Просто смотрела в огонь. Я подвинулся, чтобы она могла видеть моё лицо.

– Ты спал? – спросила она вдруг.

– Нет.

– Он тоже не спит.

– Кто?

Она не ответила. Взяла карандаш с журнального столика и начала рисовать на салфетке. Я не стал заглядывать. Уже знал, что там будет.

Мария заварила чай. Подала мне кружку. Руки у неё дрожали.

– Сегодня я покажу вам дневник, – сказала она. – Всё, что Эвелин успела записать до... до конца.

– А полиция? Они что-нибудь нашли?

– Ничего, кроме снотворного в желудке. И странной сажи в лёгких. Как будто она дышала пеплом.

– Пеплом?

– Да. Судмедэксперт сказал, что такого не бывает. Но оставил это в отчёте. «Чёрные частицы неизвестного происхождения».

Я задумался. Пепел. Огонь. Зеркало. Демон. Всё это не складывалось в логическую цепочку – но в голове уже звучал зловещий мотив, как в старой пластинке, которую кто-то включил в подвале.

– Пойдёмте в кабинет Эвелин, – сказала Мария.

Кабинет находился на втором этаже, за дверью с медной табличкой: «*Здесь думают вслух*». Внутри – книг до потолка, глобус, письменный стол из тёмного дерева и большое окно, выходящее в рощу. Но больше всего бросалось в глаза зеркало. Оно висело над камином – не такое, как в подвале, но всё равно... неправильное. Оно не отражало свет. Только лица.

Мария поспешно завесила его чёрной тканью.

– Эвелин запрещала смотреть в него после заката, – пояснила она.

– Почему?

– Потому что иногда... из него смотрел не ты.

Она открыла сейф за картиной с изображением совы. Достала дневник. Подала мне.

– Читайте. Я... я не могу больше это перечитывать.

Я сел за стол. Открыл первую страницу.

«12 сентября. Он снова пришёл. Не в виде тени. Не в шепоте. Сегодня он говорил моим голосом. Сказал: „Ты оставила его одного. Ты виновата“. Я знаю, это не правда. Но почему тогда мне так больно?»

Я перелистнул.

«23 октября. Нашла старые записи прабабки. Она писала: демон не рождается во тьме. Он растёт в пустоте, которую оставляют ушедшие. Чем дольше человек один – тем глубже пустота. И однажды пустота начинает отвечать».

«5 ноября. Попробовала ритуал первой двери – двери вины. Зажгла свечу, сказала вслух: „Я прощаю себя“. Но голос дрогнул. Он услышал. Он пришёл. Стук в стенах весь вечер».

«18 декабря. Он знает о ней. О той, что пришла ко мне в 2008. Той, что боялась мужчин, но любила одного. Я сказала ей: „Он тебя спасёт“. Она улыбнулась. Не знала, что он же и потеряет».

Я резко оторвал взгляд от страницы.

– Эмилия.

– Да, – тихо сказала Мария. – Эвелин видела её будущее.

Или думала, что видела.

– Это бред.

– Тогда объясните, как она знала, что вы не ответите на звонок в ту ночь?

Я не ответил. Продолжил читать.

«3 января. Он сильнее. Потому что я старею. Потому

что вокруг всё пустеет. Мария редко приезжает. Сара боится меня. Дом молчит. Только зеркало шепчет. Оно говорит: „Приди. Я дам тебе компанию“. Но я знаю – цена слишком высока».

«14 февраля. Решила. Сделаю последнее. Открою зеркало полностью. Вызову его. И запечатаю навсегда. Нужно семь ночей. Семь дверей. Но... мне не хватит сил. Нужен проводник. Тот, чья душа разорвана. Тот, кто носит вину, как крест. Его зовут Джек. Он придет. Когда поймёт, что дочь в опасности».

Я бросил дневник на стол.

– Она знала моё имя.

– Да.

– Как?

– Эмилия рассказывала ей всё. Даже то, что вы мечтали назвать первую дочь Лизой, в честь вашей матери.

Я похолодел.

– Этого не знал никто.

– Она знала.

Я встал, подошёл к окну. За стеклом – роща. Колодец. Тишина.

– Я не верю в пророчества. В ритуалы. В демонов, что выходят из зеркал.

– А во что вы верите, Джек?

– В доказательства. В улики. В логику.

– Тогда объясните мне вот это, – она подошла к столу,

достала из ящика пакет. – Это нашли в желудке Эвелин.

Она высыпала содержимое на стол.

Среди остатков пищи – чёрные кристаллы. Не уголь. Не лекарство. Они блестели, как смола, но были твёрдыми. И пахли... жжёной кожей.

– Судмедэксперт не смог определить состав, – сказала Мария. – Но Сара назвала это сразу.

– Что она сказала?

– «Это слёзы зеркала».

Я не двинулся. В голове – звук. Тот самый. Шёпот сквозь воду.

– Джек...

Я обернулся.

Эмилия стояла в дверях. В том же мокром платье. Вода стекала по полу. Но пол был сухим.

– Уходи, – прошептал я.

– Ты не должен быть здесь, – сказала она. – Он использует меня. Чтобы ты остался. Чтобы ты открыл дверь.

– Ты – не она, – сказал я. – Ты – часть моей головы.

– А если нет? Если я – последнее, что он может использовать, чтобы добраться до тебя?

Я сжал кулаки.

– Зачем ты это делаешь?

– Потому что я люблю тебя. И не хочу, чтобы он забрал тебя, как забрал меня.

– Ты уже мертва.

– Но ты ещё жив. И у тебя есть шанс спасти Лизу. Уходи отсюда. Сейчас.

– Я не могу.

– Почему?

– Потому что если я уйду... он пойдёт за ней.

Она посмотрела на меня. Скорбно. Потом – растворилась в воздухе.

Я остался стоять. Дрожа.

– Вы её видели? – спросила Мария.

– Да.

– Она сказала что-нибудь?

– Сказала уйти.

– Значит, он уже глубоко внутри вас.

– Или я просто схожу с ума.

– Может, это одно и то же.

После завтрака (если можно так назвать чай и сухарики) я попросил Мария показать архивы приюта, где работала Эвелин. Она покачала головой.

– Бумаги сгорели десять лет назад. Пожар. Но... есть кое-что.

Она поднялась наверх, вернулась с папкой. Внутри – копии старых фотографий. Женщины, дети, волонтеры.

– Вот она, – сказала Мария, указывая на фото.

Эмилия. Моложе, чем я помнил. Волосы короче. Глаза – полные страха. Но в уголке губ – первая улыбка. Она стояла

рядом с Эвелин. Та держала её за руку.

На обороте – надпись: «*Эмилия Бронсон. Надежда.* 12.03.2008».

– Бронсон? – удивился я. – Но мы поженились только в 2010.

– Она уже знала вашу фамилию. Хотела её носить.

Я провёл пальцем по фото.

– Почему она оказалась в приюте?

– Её бывший... избивал. Грозил убить. Она сбежала ночью. Без документов. Без денег. Эвелин нашла её на автобусной станции. Привезла сюда.

– Сюда?

– В Рейвенс-Крик. На две недели. Потом – в Бостон, в программу защиты.

– И всё это время Эвелин знала, что мы встретимся?

– Она верила, что вы – её шанс. Её свет. Но также – её уязвимость.

– Почему?

– Потому что тот, кого любишь больше всего... всегда может потерять.

Я молчал.

– Эвелин писала, что любовь – самая сильная защита. Но и самая опасная дверь. Потому что боль от потери открывает демону путь.

К полудню я решил осмотреть подвал ещё раз. На этот раз

– с фонариком, перчатками и блокнотом. Мария не пошла со мной. Сказала, что боится. Остались Сара и я.

– Ты будешь со мной? – спросил я девочку.

Она кивнула.

Мы спустились. В подвале – тот же холод, та же сырость. Зеркало стояло посреди круга из свечей. Все погасшие.

– Не смотри в него, – прошептала Сара.

– Я не буду.

Я начал осматривать стены. На кирпичах – те же символы. Я фотографировал их на телефон.

– Что это значит? – спросил я Сару.

– Это слова. «Не оставайся один». «Не верь отражению». «Запомни тепло».

– Кто научил тебя?

– Бабушка Эвелин. Перед смертью.

– А что такое «семь дверей»?

Она замялась.

– Это... пути внутрь себя. Чтобы победить его, надо пройти все. Но если застрянешь в одной – он заберёт тебя.

– Какие двери?

– Вина. Страх. Гнев. Боль. Надежда. Любовь. Выбор.

– И как их пройти?

– Надо сказать правду. Вслух. И отпустить.

Я посмотрел на неё. В десять лет она говорила, как философ.

– Ты веришь, что он существует?

– Я его видела, – сказала она просто. – В зеркале. После смерти бабушки. Он сказал: «Теперь ты моя». Но я ответила: «Нет. У меня есть мама». И он ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.